

*Посвящается моему брату Дугу и его семье —
Мэри, Брайану, Розлин и Чарльзу,
которые показали мне, что такое
настоящее мужество. Намасте*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Если бы Си-Си де Пуатье знала, что ее убьют, то, наверное, купила бы своему мужу Ришару подарок на Рождество. Наверное, она бы даже съездила на праздник в школу, где училась ее дочка, — в Женскую школу мисс Эдвардс, или «жопскую» школу, как любила говорить Си-Си, поддразнивая свою необъятных размеров дочку. Если бы Си-Си знала, что конец близок, то осталась бы на работе, а не проводила время в самом дешевом номере, какой мог предложить отель «Риц» в Монреале. Но ей было известно лишь об одном конце, находящемся поблизости, и он принадлежал мужчине по имени Сол.

— Ну и что ты думаешь? Тебе нравится?

Она установила книгу на своем белом животе.

Сол уже не в первый раз посмотрел на книгу. В течение нескольких последних дней Си-Си каждые пять минут доставала из своей громадной сумочки эту книгу. На бизнес-встречах, за обедом, во время поездок в такси по заснеженным улицам Монреаля Си-Си вдруг наклонялась и торжественно выпрямлялась, держа в руках свое творение, словно являла миру еще одно непорочное зачатие.

— Мне нравится фотография, — сказал Сол, понимая, что это оскорбляет ее.

Он сам сделал этот снимок. Он знал, что она ждет и даже просит от него какого-то поощрения, но больше не желал гладить ее по головке. И еще он спрашивал себя, как долго сможет находиться близ Си-Си де Пуатье, не превращаясь в нее.

Не в физическом смысле, конечно. Ей было сорок восемь — на несколько лет меньше, чем ему. Она была стройная, гибкая и в хорошей форме, с невероятно белыми зубами и невероятно светлыми волосами. Прикасаться к ней было все равно что прикасаться к ледяной глыбе. В этом была своеобразная красота и хрупкость, которая казалась ему привлекательной. Однако имелась и опасность. Если Си-Си сломается, расколется, то и его разорвет в клочья.

Но дело было не в ее внешности. Глядя, как она ласкает свою книгу — с большей нежностью, чем когда-либо ласкала его, — он спрашивал себя, не проник ли ее внутренний лед и в него, может быть во время секса, и не замерзает ли он сам теперь изнутри. Он уже и без того не чувствовал своего сердца.

В пятьдесят два Сол Петров только-только начал замечать, что его друзья уже не такие блестящие, не такие умные, не такие стройные, какими были когда-то. Честно говоря, большинство из них начало утомлять его. Да и они, общаясь с ним, случалось, красноречиво позевывали. Они обрастали жирком, лысели, становились скучными. И он подозревал, что такие же трансформации происходят и с ним. Его не очень огорчало, что женщины теперь редко заглядываются на него, или что он начал подумывать, не поменять ли горные лыжи на беговые, или что семейный врач назначил ему УЗИ простаты. Все это он мог принять. Беспокоило и пробуждало Сола Петрова в два часа ночи другое: тот же голос, что в детстве нашептывал ему, будто под кроватью живут львы, теперь уверенно шептал, что людей от него тоска берет. Сол глубоко дышал темным ночным воздухом, пытаясь убедить себя, что с трудом сдерживаемые зевки его визави за обедом сегодня объяснялись выпитым вином, или *magret de canard*¹, или обволакивающим теплом в монреальском ресторане, куда они явились в своих практичных зимних свитерах.

¹ Утиной грудкой (*фр.*).

А ночной голос все продолжал ворчать, предупреждая Сола о подстерегающих его опасностях. О неминуемой катастрофе. О том, что он слишком много говорит, о том, что он перестал быть интересным, о том, что люди вокруг него слишком часто закатывают глаза. О том, что его собеседники украдкой поглядывают на часы, выжидая удобного момента оставить его. О глазах, обводящих комнату в отчаянных поисках более занимательной компании.

И потому он позволил Си-Си соблазнить его. Соблазнить и проглотить, и, таким образом, лев из-под кровати переместился в постель. Сол начал подозревать, что эта поглощенная собой женщина наконец поглотила себя целиком, поглотила своего мужа и даже свою кошмарную дочурку, а теперь принялась поглощать и его.

В ее обществе он уже стал жестоким. Начал презирать себя. Но не с такой силой, с какой презирал ее.

— Это блестящая книга, — сказала Си-Си, игнорируя его. — Нет, правда. Кто от такого откажется? — Она помахала книгой перед его лицом. — Люди ее просто глотать будут. Вокруг столько людей с расстроенной психикой. — Она и в самом деле повернулась и уставилась через окно их номера на стоящее напротив здание, словно высматривая «своих» людей. — Я сделала это ради них. — И она взглянула на Сола широко раскрытыми, искренними глазами.

«Неужели она верит в это?» — спросил он себя.

Он, конечно же, прочел ее книгу. «Клеймите беспокойство» — так она ее назвала, как и компанию, созданную несколько лет назад, и название это звучало как насмешка над самой Си-Си, которая была настоящим комком нервов. Не знающие покоя руки, постоянно что-нибудь разглаживающие и распрямляющие. Короткие резкие ответы, нетерпение, часто переходящее во вспышку ярости.

Хотя Си-Си де Пуатье и имела безмятежную, словно замороженную внешность, вряд ли слово «спокойствие» могло у кого-то ассоциироваться с нею.

Она предлагала свою книгу всем подряд, начиная с ведущих нью-йоркских издательских домов и кончая печатниками почтовых открыток в захолустной деревеньке Сент-Поликарп на шоссе между Торонто и Монреалем.

Все они отвечали отказом, сразу распознавая в рукописи беспомощную мешанину из смешных доморощенных философствований в обертке из недопеченных буддистских и индуистских учений, извергнутую женщиной, которая, судя по фотографии на обложке, поедает своих детей.

— Какое тут, к черту, просветительство, — сказала Си-Си Солу в своем монреальском офисе в тот день, когда получила пачку очередных отказов. Она разорвала их в клочья и бросила на пол: пусть уборщица подметает. — Я тебе говорю, мы живем в каком-то вывернутом наизнанку мире. Люди жестоки и бесчувственны, они живут, чтобы обманывать друг друга. Ни любви, ни сострадания не существует. А вот это, — она разрежала воздух своей книгой, словно молотом из древних мифов, направленным на беспощадную наковальню, — это научит людей быть счастливыми.

Слова, произнесенные низким голосом, были насыщены злобой. Она решила издать книгу за собственные деньги, причем так, чтобы та вышла перед Рождеством. И хотя в книге было много рассуждений о свете, Солу показался любопытным и исполненным иронии тот факт, что в свет эта книжонка вышла перед зимним солнцестоянием. Перед самым темным днем года.

— Как, ты говоришь, называется издательство? — не смог удержаться он. — Ах да, вспомнил. Никто не хотел ее печатать. Наверно, это было ужасно. — Он задумался на мгновение, не зная, повернуть ли нож в ране или нет. Да ладно, чего церемониться. — Ну и что ты при этом чувствовала?

Ему показалось или она действительно поморщилась?

Но ее молчание красноречиво продолжалось, на лице застыло бесстрастное выражение. Всего того, что не нравилось

Си-Си, просто не существовало. Включая ее мужа и ее дочь. Включая все неприятные вещи, любую критику, любые резкие слова (если они не были сказаны ею самой), любые эмоции. Сол знал, что Си-Си живет в своем собственном мире, где она идеальна, где она может скрывать свои чувства и неудачи.

Сколько еще нужно времени, чтобы этот мир взорвался? Сол надеялся, что будет поблизости и увидит, как это происходит. Поблизости, но на безопасном расстоянии.

Она сказала, что люди жестоки и бесчувственны. Жестоки и бесчувственны. Не так давно он заключил с ней фрилансерский контракт как ее фотограф и любовник, и тогда ему казалось, что этот мир — прекрасное место. Каждое утро он просыпался рано и начинал новый день в новом мире, где не было ничего невозможного, и он видел, как прекрасен Монреаль. Он видел, как люди улыбаются друг другу, заказывая капучино в кафе, покупая свежие цветы или французские длинные батоны. Он видел, как дети собирают упавшие каштаны, привязывают к ним веревочки и играют. Он видел, как пожилые дамы прогуливаются по Мейну.

Он не был слеп или глуп — он замечал бездомных мужчин и женщин, замечал избитые лица в синяках, говорящие о долгой пустой ночи и еще более долгим дне впереди.

Но в глубине души он верил, что мир — прекрасное место. И его фотографии отражали это, они улавливали свет, блеск, надежду. И тень, которая неизбежно бросала вызов свету.

По иронии судьбы именно это качество и привлекло внимание Си-Си и навело ее на мысль предложить ему контракт. Статья в одном журнале, написанная в типично монреальском стиле, говорила о нем как о «крутом» журналисте, а Си-Си всегда хотела иметь только лучшее. Вот поэтому они всегда снимали номер в «Рице». Тесный жуткий номер на одном из нижних этажей без вида из окна и без шарма, но все же — «Риц». Даже шампуни и канцелярские принадлежности Си-

Си выбирала так, чтобы подтвердить свою репутацию, и по той же причине она выбрала его, Сола. Она использовала все это — и даже его, Сола, — чтобы доказать что-то непонятное людям, которым было все равно. По прошествии какого-то времени все это выбрасывалось. Как был отброшен в сторону ее муж, как игнорировалась и высмеивалась ее дочь.

Мир был жестоким и бесчувственным местом.

И теперь Сол верил в это.

Он ненавидел Си-Си де Пуатье.

Сол встал с кровати, оставив Си-Си разглядывать ее книгу, ее истинного любовника. Он посмотрел на нее — она то расплывалась перед его глазами, то снова обретала четкость. Он наклонил голову к плечу, подумав, что, наверное, опять выпил слишком много. Но ее очертания снова стали размазанными, а потом снова резкими, словно он смотрел сквозь призму на двух разных женщин: одну — красивую, гламурную, жизнерадостную, и другую — жалкую крашеную блондинку, сплошной комок нервов, ошетилившуюся и грубую. И опасную.

— Это что? — спросил Сол.

Из корзинки с мусором он извлек папку. Ее назначение было очевидным — портфолио художника. Оно было красиво и тщательно переплетено и напечатано на специальной пухлой бумаге. Сол открыл портфолио — и у него перехватило дыхание.

Внутри находилась серия работ, наполненных светом, словно излучающих сияние с великолепной бумаги. У Сола защемило в груди. На картинах был изображен прекрасный и в то же время уязвленный мир. Но по большей части это был мир, в котором все еще существовали надежда и утешение. Художник явно видел этот мир каждый день, жил в нем. Как и Сол, когда-то живший в мире света и надежды.

Работы казались простыми, но на самом деле были очень сложными. Изображения и цвета наслаивались один на дру-

гой. Для достижения желаемого эффекта, видимо, было потрачено немало часов и дней.

Сол взгляделся в одну из этих работ. Величественное дерево, воспарявшее в небеса, словно устремлялось к солнцу. Художник сфотографировал его и каким-то образом сумел передать ощущение движения, но так, что зритель при этом не оказывался дезориентированным. Нет, работа была изящная, успокаивающая и, самое главное, сильная. Кончики ветвей как будто растворялись или становились нечеткими, словно даже в их уверенности и целеустремленности была крохотная доля сомнения. Это было блестяще.

Все его мысли о Си-Си были забыты. Сол забрался на дерево, чуть ли не ощущая его грубую кору на ладонях; он словно опять сидел на коленях у бабушки и прижимался к его небритому лицу. Как художнику это удалось?

Сол не сумел разобрать подпись. Он перелистал остальные страницы и ощутил, как на его замороженном лице медленно появилась улыбка, как его ожесточенное сердце помягчело.

Может быть, если ему удастся избавиться от Си-Си, он вернется к своей работе и будет делать вот такие вещи.

Он выдохнул всю темноту, которая скопилась в нем.

— Так тебе нравится? — Си-Си помахала перед ним своей книгой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кри осторожно надела костюм, стараясь не порвать белый шифон. Рождественские праздники уже начались. Она слышала, как ребята из младших классов распевали: «Его колыбель в яслях вместо крова», хотя ей подозрительно слышалось «корова». Уж не относится ли это к ней? Не смеются ли они все над ней? Она прогнала эту мысль и продолжила одеваться, тихонько напевая себе под нос.

— Кто это? — раздался в переполненной шумной комнате голос мадам Латур, учительницы музыки. — Это кто там напевает?

Лицо мадам, напоминающее яркую птичку, выглянуло из-за угла, за которым Кри изо всех сил старалась одеться без посторонней помощи. Кри инстинктивно попыталась прикрыть костюмом наготу своего полуобнаженного четырнадцатилетнего тела. Конечно, это было невозможно. Слишком большое тело и слишком мало материи.

— Это ты пела?

Кри уставилась на нее, боясь произнести хоть слово. Мать предупреждала ее об этом. Предупреждала, что никогда нельзя петь на публике.

Но сегодня ликующее сердце подвело ее: у нее действительно вырвалось что-то похожее на пение.

Мадам Латур окинула взглядом громадную девочку и почувствовала, что съеденный ею ланч подступил к горлу. Эти жирные валики, эти жуткие ямки, нижнее белье, исчезаю-

щее в складках тела. Невыразительное лицо с широко раскрытыми глазами. Учитель-естественник, месье Драпо, говорил, что Кри лучшая в классе, а вот другой учитель сообщал, что в этом триместре одной из тем, которые они проходили, была «Витамины и минералы», и Кри, вероятно, проглотила учебник.

И тем не менее она участвовала в празднике и готова была показать себя во всей красе, хотя для этого нужно было очень сильно постараться.

— Поторопись. Скоро тебе выходить.

Мадам Латур вышла, не дожидаясь ответа. Это был первый рождественский праздник, в котором участвовала Кри за пять лет учебы в Женской школе мисс Эдвардс. Все прошлые годы, когда остальные ученицы готовили себе костюмы, она готовила невнятные извинения. Никто и не пытался переубедить ее. Напротив, ей поручали работать с осветительной аппаратурой, потому что у нее, как говорила мадам Латур, была техническая жилка. А это означало, что для всяких человеческих эмоций жилки у нее нет. Так что за всеми предшествующими рождественскими праздниками Кри наблюдала в одиночестве из темноты, глядя на хорошеньких, сияющих, талантливых девочек, которые танцевали и пели песни о чуде Рождества, купаясь в лучах света, обеспечиваемого Кри.

Но не в этом году.

Она надела костюм и посмотрела на себя в зеркало — оттуда на нее смотрела громадная шифоновая снежинка. Да, призналась она самой себе, это не снежинка, а целый сугроб, но все же это был костюм, и к тому же превосходный. Другим девочкам помогали их матери, но Кри пришлось все делать самой. Чтобы удивить маму, говорила она себе, стараясь заглушить другой голос.

Присмотревшись внимательнее, можно было разглядеть крохотные капельки крови на материи: ее пухлые, неловкие

пальцы боролись с иголкой и не всегда с нею справлялись. Но она стойко держалась и закончила этот костюм. А потом ее вдруг посетила блестящая идея. Лучшая за всю ее четырнадцатилетнюю жизнь.

Она знала, что ее мать всегда почитала свет. Кри всю жизнь говорили, что именно за это все мы и боремся. Отсюда и название — просвещение. Вот почему об умных людях говорят как о людях ярких. Почему люди делают великие открытия? Потому что на них нисходит просветление.

Все это было так очевидно.

А сегодня Кри будет изображать снежинку. Самое белое и светлое, что только можно себе представить. А если добавить к этому ее собственный блеск? Она сходила в магазин, где все товары стоили по доллару, и на деньги, что ей оставила мать, купила пузырек блесков. Она даже смогла пройти мимо шоколадного бара, хотя и остановилась поглазеть перед витриной. Кри вот уже месяц сидела на диете и была уверена, что скоро ее мать заметит это.

С помощью клея она нанесла блески и теперь видела перед собой результаты.

Кри впервые в жизни знала, что она красива. И она знала, что через несколько коротких мгновений ее мать будет думать то же самое.

Клара Морроу взглянула через заиндевевшие окна своей гостиной на деревеньку Три Сосны. Потом она наклонилась и принялась соскребать ледок со стекла. «Теперь, когда у нас появилось немного денег, — подумала она, — наверное, стоило бы поменять окна». Клара понимала, что это было бы разумно, однако большинство ее решений трудно было назвать разумными. Но эти решения отвечали ее образу жизни. И, глядя на снежный мир, какой являли собой Три Сосны, она знала, что ей нравится смотреть на этот мир сквозь причудливый рисунок изморози, оставленный холодом на старом стекле.

Потягивая горячий шоколад, она смотрела на закутанных в теплую одежду жителей, которые прогуливались под неторопливо падающим снегом и приветственно махали друг другу облаченными в варежки руками, а произнесенные ими слова обрамлялись облачками дыхания, словно у персонажей комиксов. Некоторые направлялись в бистро Оливье, чтобы выпить кофе с молоком, другим нужен был свежий хлеб или *patisserie*¹ из пекарни Сары. Магазин «Книги Мирны, новые и старые» рядом с бистро сегодня был закрыт. Месье Беливо очистил от снега крыльцо и подходы к своему магазину и помахал Габри, чья громадная впечатляющая фигура двигалась через деревенский луг из маленькой гостиницы на углу. Постороннему человеку жители деревни показались бы безликими, даже бесполоыми. Во время квебекской зимы все люди похожи друг на друга. Все ковыляют, укутанные в теплые одеяния, громадные массы гусиного пуха и «Тинсюлату»², отчего даже стройные кажутся полными, а полные — толстяками. Все выглядят одинаково. Вот только шапочки у всех разные. Клара видела ярко-зеленый помпон на шапочке Рут — вот он кивнул многоцветной шапочке Уэйна, связанной Нелли долгими осенними вечерами. На детях семейства Левек, гонявших по замерзшему пруду хоккейную шайбу, были шапочки всех оттенков синего; маленькую Розу так трясло в сетке ворот, что даже Клара видела, как дрожит ее бледно-голубая шапочка. Но братья любили ее, а потому каждый раз, мчась к воротам, они изображали падение и вместо хлесткого удара по воротам просто тихонько скользили к ней по льду, так что прорыв заканчивался веселой свалкой. Это напоминало Кларе одну из литографий от «Курье энд Айвза»³, на которые она

¹ Кондитерские изделия, пирожные (*фр.*).

² «Тинсюлата» — канадская фирма, специализирующаяся на производстве синтетической термоодежды.

³ «Курье энд Айвз» — американская печатная фирма 2-й половины XIX века, специализировавшаяся на изготовлении черно-белых литографий известных художников. Литографии раскрашивались вручную.

часами смотрела в детстве, изнемогая от желания шагнуть за рамку и оказаться среди изображенных персонажей.

Три Сосны были укутаны снежным одеялом. За последние несколько недель выпало около фута снега, и все старые дома вокруг деревенского луга обзавелись шапочками чистойшей белизны. Из труб струился дымок, словно у домов были собственные голоса и дыхание. Ворота и калитки были украшены рождественскими венками. По вечерам тихая деревенька Восточных кантонов сверкала рождественскими украшениями. Взрослые и дети готовились к большому празднику, и от этого по всей деревне стоял тихий гул.

— Может, ее машина не заводится.

В комнату вошел муж Клары Питер. Как и его отец, он был похож на топ-менеджера из списка «Форчун 500»¹. Но дни свои он проводил, ссутулившись над мольбертом, и его тронутые сединой кудрявые волосы нередко были в масляной краске, потому что он в мучительных подробностях выписывал свои абстрактные творения. Их покупали за тысячи долларов коллекционеры по всему свету, но поскольку работал он медленно, то в год удавалось сделать одну-две картины, а потому они прозябали в вечной бедности. До недавнего времени. Картины Клары, на которых были изображены воинственные женские матки и тающие деревья, еще не обрели своего покупателя.

— Она приедет, — сказала Клара.

Питер посмотрел на жену своими голубыми дружелюбными глазами: в ее когда-то темных волосах начала пробиваться седина, хотя ей еще не исполнилось и пятидесяти. Фигура ее начала набирать жирок в области талии и бедер, и Клара стала поговаривать, что пора бы ей возобновить посещение фитнес-класса Мадлен. Питер был достаточно опытен, чтобы не отвечать на вопрос, пора ли ей и в самом деле.

¹ «Форчун 500» — ежегодный список 500 ведущих американских корпораций, публикуемый журналом «Форчун».

— Ты уверена, что я не могу поехать? — спросил он больше из вежливости, чем из действительного желания затиснуться в мышеловку машины Мирны и трястись на ухабах до самого города.

— Конечно не можешь. Рождественские подарки покупаю я. И потом, в машине не хватит места для Мирны, меня, тебя и подарков. Нам пришлось бы оставить тебя в Монреале.

К открытой калитке подъехала крохотная машинка, и из нее вышла громадная черная женщина. Это, вероятно, была самая любимая у Клары часть поездок с Мирной — смотреть, как та садится в машину и выходит из нее. Клара была абсолютно уверена, что Мирна крупнее своей машины. Летом целая толпа собиралась посмотреть, как она затискивается внутрь и при этом платье у нее задирается до самой талии. Но Мирна только смеялась. Зимой все было еще смешнее, потому что Мирна носила ярко-розовую парку¹, которая почти в два раза увеличивала ее в размерах.

«Я с островов, детка, — сказала она как-то раз. — Мне холодно».

«Ты с острова Монреаль», — возразила Клара.

«Верно, — со смехом согласилась Мирна. — Только с его южной окраины. Я люблю зиму. Это единственное время года, когда у меня розовая кожа. Что скажешь? Я могла бы сойти?»

«Сойти за кого?»

«За белую?»

«А тебе это надо?»

Мирна посмотрела на лучшую подругу внезапно посерьезневшими глазами и улыбнулась: «Нет. Уже не надо». Похоже, она была довольна и даже немного удивлена собственным ответом.

И вот теперь квебекская зима опять превратила Мирну в белую женщину с пухлым розовым лицом. В нескольких

¹ Парка — длинная теплая куртка с капюшоном.

слоях ярких шарфов и алой шапочке с оранжевым помпоном она тяжело вышагивала по вычищенной дорожке к их дому.

Скоро они будут в Монреале. Езды всего ничего — меньше полутора часов даже в снег. Клара с нетерпением ждала дня покупок, но самым главным в ее поездке, в ее любой поездке в Монреаль была ее тайна. Ее секретное удовольствие.

Клара умирала от желания посмотреть витрину «Ожилъви»¹. У этого знаменитого монреальского магазина была самая волшебная витрина в мире. В середине ноября огромные окна темнели, их закрывали бумагой. А потом начиналось нетерпеливое ожидание, когда же снимут завесу с этого праздничного чуда. Когда Клара была ребенком, эта витрина интересовала ее больше, чем парад Санта-Клауса. И стоило ей узнать, что темная бумага наконец-то снята, как она неслась в центр города прямо к волшебной витрине.

Вот и она. Клара мчалась к витрине со всех ног, но оставалась в таком месте, где саму витрину еще не было видно. Она закрывала глаза, брала себя в руки, делала шаг вперед и открывала глаза. И видела ее. Деревню Клара. То место, куда она уедет, когда разочарования и возрастающая жестокость станут неспособны чувствительной маленькой девочке. Зимой ли, летом ли, ей нужно было только закрыть глаза, и она оказывалась там, где медведи танцуют, утки катаются на коньках, а лягушки в викторианских костюмах стоят с удочками на мосту. По ночам, когда упырь ухал, фыркал и скреб когтями под полом ее спальни, она крепко закрывала свои маленькие голубые глаза и усилием воли переносилась в волшебную витрину и деревню, где упырь никогда ее не найдет, потому что вход туда сторожит доброта.

А потом в ее жизни свершилось нечто чудесное — чудеснее не бывает. Она влюбилась в Питера Морроу и согласилась отложить на будущее захват Нью-Йорка. Вместо этого

¹ «Ожилъви» — известный в Монреале магазин, в последнее время специализирующийся на продаже дорогих вещей.

она согласилась переехать в любимую им крохотную деревню к югу от Монреала. Клара не знала эту область — она ведь была городской девицей, но любовь ее к Питеру была так сильна, что она не колебалась ни минуты.

И вот оно случилось: двадцать шесть лет назад умная и циничная выпускница художественного колледжа вышла из их маленького «фольксвагена» и начала плакать.

Питер привез Клару в заколдованную деревню ее детства. В деревню, о которой она забыла, когда выросла и прониклась важностью своей зрелости. В конечном счете оказалось, что рождественская витрина «Ожилви» настоящая и называется она Три Сосны. Они купили маленький домик у деревенского луга и начали вести в нем жизнь куда более волшебную, чем когда-либо в ее самых смелых мечтах.

Несколько минут спустя, сидя в тепле машины, Клара расстегнула парку и уставилась в окно на плывущие мимо заснеженные окрестности. Это Рождество было особенным по причинам одновременно ужасным и замечательным. Ее дорогая подруга и соседка Джейн Нил была убита немногим более года назад, после чего выяснилось, что она завещала Кларе все свои деньги. В предыдущее Рождество Клара чувствовала себя слишком виноватой, чтобы их тратить. Ей казалось, что неприлично быть в выигрыше от смерти Джейн.

Мирна посмотрела на свою подругу, блуждая мыслями вокруг той же темы — смерти дорогой Джейн Нил и того совета, что она, Мирна, дала Кларе после убийства Джейн. Давать советы было для Мирны делом привычным. Прежде она работала психотерапевтом в Монреале, — работала, пока не поняла, что ее клиенты вовсе не хотят выздоравливать. Им требовались только таблетки и заверение, что в их состоянии виноваты вовсе не они.

И Мирна бросила все это. Она загрузила свою маленькую красную машину книгами и одеждой и, покинув остров Монреаль, направилась через мост на юг, в сторону границы

со Штатами. Решила посидеть на флоридском бережку и подумать, что ей делать дальше.

Но тут вмешались судьба и чувство голода. Мирна неспешно ехала по живописным проселочным дорогам, наслаждаясь пейзажами, и вдруг всего через час у нее не на шутку разыгрался аппетит. По грунтовой дороге она перевалила через вершину холма и увидела деревню, спрятавшуюся между холмов и лесов. Деревня появилась так неожиданно, что удивленная Мирна остановила машину и вышла. Стояла поздняя весна, и солнце набирало силу. Из-под старой каменной мельницы выбивался ручей и устремлялся к белой церквушке, обитой вагонкой, а потом протекал извиваясь вдоль деревни. Сама деревня имела форму круга, из которого в четырех направлениях уходили грунтовые дороги. В центре располагался деревенский луг, вокруг него стояли старые дома, часть которых была построена на квебекский манер — с крутыми металлическими крышами и узкими спальнями наверху. Другие здания были обшиты вагонкой и имели широкие открытые веранды. По меньшей мере один дом был построен из плитняка — камня, вывороченного из окружающих полей первопроходцами, спасавшимися от наступающей немилосердной зимы.

На лугу Мирна увидела пруд и три величественные сосны, воспаряющие к небесам.

Мирна вытащила свою карту Квебека. Минуты через две аккуратно сложила ее и удивленно прислонилась к машине. Деревни на карте не было. Карта показывала пункты, исчезнувшие много десятилетий назад. Показывала крохотные рыбацкие деревушки, даже все населенные пункты из двух домиков и часовни.

Но эта деревня на карте отсутствовала.

Мирна посмотрела на местных жителей: кто-то работал в саду, кто-то выгуливал собак, кто-то сидел на скамье у пруда и читал. Наверное, это деревня была своего рода Бригаду-

ном¹. Являлась раз в сто лет и только тем, кому нужно было ее увидеть. Но Мирна пока еще колебалась. Нет, здесь наверняка нет того, что ей надо. Она уже готова была развернуться и направиться в Уильямсбург, который на карте был, но в последний момент решила рискнуть.

В Трех Соснах нашлось все, что ей было нужно.

Здесь продавали круассаны и кофе с молоком. Здесь продавали стейки с картошкой фри и «Нью-Йорк таймс». Здесь были пекарня, бистро, маленькая гостиничка, универмаг. Здесь царили мир, спокойствие и смех. Здесь были великая скорбь и великая печаль и умение принимать и то и другое и довольствоваться этим. Здесь были дружба и доброты.

И здесь обнаружилось пустующее помещение под магазин с жильем наверху. Все это ждало. Ждало ее.

И Мирна обосновалась здесь навсегда.

За час с небольшим Мирна переместилась из мира недовольств в мир удовлетворения. И случилось это шесть лет назад. А теперь она продавала своим друзьям старые и новые книги и делилась банальными советами.

«Да бога ради, ты уж либо просрись, либо слезай с горшка, — такой совет дала она Кларе. — Джейн умерла уже несколько месяцев назад. Ты помогла найти ее убийцу. Ты наверняка знаешь: Джейн расстроилась бы, узнав, что ты не получаешь удовольствия от тех денег, которые она тебе оставила. Нужно было оставить их мне. — Мирна в притворном недоумении покачала головой. — Уж я бы знала, что с ними делать. Вмиг самолетом на Ямайку, там пристроиться к какому-нибудь доброму растаману², взять хорошую книгу...»

¹ «*Бригаду*» — музыкальный фильм киностудии «Метро-Голдвин-Майер» (1954, сценарий Алана Джея Лернера), в котором фигурирует таинственная шотландская деревня, появляющаяся всего на один день каждые сто лет.

² *Растаман* — последователь религиозного движения растафарианства, возникшего на Ямайке. Основа растафарианства — любовь к ближнему и отказ от западного общества. Растаманы считают богом императора Эфиопии Хайле Селассие I, носят дреды и курят коноплю.

«Постой, ты хочешь читать книгу вместе с растаманом?»

«Ну да. У каждого свое назначение. Растаман, скажем, хорош, когда затвердеет. А вот с книгой в твердой обложке лучше не иметь дела».

Клара рассмеялась. Они обе не любили книги в твердых переплетах. Не за содержание, а за обложку. Книгу в твердом переплете неудобно держать в руках, в особенности в постели.

«В отличие от растамана», — сказала Мирна.

Так Мирна убедила свою подружку смириться со смертью Джейн и начать тратить деньги, что и собиралась делать Клара в этот день. Наконец-то заднее сиденье будет заполнено тяжелыми разноцветными бумажными пакетами с бечевочными ручками и рельефными названиями магазинов вроде «Холт Ренфру» или «Ожильви». Ни одного желтого пластикового пакета из «Доллар-рамы». Хотя Клара втайне и восторгалась этим магазином.

Питер сидел дома у окна и смотрел на улицу, побуждая себя заняться чем-нибудь конструктивным. Отправиться в студию, сесть за мольберт. Вдруг он заметил, что на одном из окон в изморози образовался просвет в форме сердечка. Он улыбнулся и посмотрел сквозь сердечко на улицу: Три Сосны занимались своими неспешными делами. Потом он поднял взгляд на махину старого дома на холме. Старый дом Хадли. Температура на улице начала падать, и на его глазах сердечко снова стало затягиваться ледком.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Кто это сделал? — спросил Сол у Си-Си, держа в руках папку.

— Что?

— Вот это. — Он стоял голым в номере отеля. — Я нашел ее в корзинке для мусора. Это чье?

— Мое.

— Это ты сделала?

Он был поражен. На мгновение он даже подумал, что ошибся в ней. В портфолио были работы талантливого художника.

— Нет, конечно. Одна глупенькая личность из деревни дала это мне, чтобы я показала своим друзьям-галеристам. Пыталась подлизаться — это было самое смешное. «Пожалуйста, Си-Си, я знаю, какие у вас связи». «Ах, Си-Си, не могли бы вы показать это кому-нибудь из своих друзей?» Брр. Ты только представь: просить меня об услуге! И еще хватило наглости просить, чтобы я показала это Дени Фортену.

— И что ты ответила? — спросил он с упавшим сердцем, догадываясь, каким будет ответ.

— Сказала, что сделаю это с удовольствием. Можешь положить этот мусор туда, откуда взял.

Сол помедлил, но все же закрыл папку и положил назад в корзинку для мусора, ненавидя себя за то, что способствует уничтожению таких блестящих работ. Но еще больше он ненавидел себя за то, что хочет их уничтожить.

— У тебя что, на сегодня ничего нет? — спросил он.

Она выровняла стакан и лампу на прикроватном столике вплоть до миллиметра, пока они не встали так, как должны были стоять.

— Ничего важного, — ответила она, стирая громадное пыльное пятно со столика. И это в «Рице»! Нет, нужно поговорить с менеджером. Она посмотрела на Сола, стоявшего у окна. — Боже мой, как ты распустился.

Когда-то у него, вероятно, была хорошая фигура. Но теперь он весь стал дряблым. У Си-Си были толстые мужчины. У нее были накачанные мужчины. На ее вкус, и та и другая крайности были неплохи. Отвращение у нее вызывало лишь промежуточное состояние.

Сол вызывал у нее отвращение, и она уже не могла вспомнить, почему выбрала его. Потом посмотрела на глянцевую белую обложку книги и вспомнила.

Фотография. Сол был изумительным фотографом. На книге над названием «Клеймите беспокойство» красовалось ее лицо. Ее волосы, очень светлые, почти белые, ее губы, полные и красные, ее голубые глаза, поразительные, умные. И все лицо, такое белое, что оно сливалось с фоном, отчего казалось, что глаза, рот и уши просто парят на обложке.

Си-Си была в восторге от этой фотографии.

После Рождества она избавится от Сола. Когда он выполнит последнее свое обязательство. Она обратила внимание, что он, вероятно, сидел на стул у стола, когда разглядывал работы в портфолио. Теперь стул стоял не на месте. Она почувствовала, как в ней нарастает раздражение. Черт его побери — он что, намеренно выводит ее из себя? И черт побери эту папку с картинками. Си-Си вскочила с кровати, поправила этот несносный стул и заодно передвинула телефонный аппарат, чтобы он стоял параллельно кромке стола.

После этого она запрыгнула в кровать, разгладила простыни у себя на ногах. Наверное, стоит вызвать такси, чтобы добраться до офиса. Но потом она вспомнила, что ей нужно заехать в одно место. По важному делу.